

удобств, совершенно неизвестных в деревне, есть театры, музеи, гулянья, которые служат источником удовольствия; одним словом, доход дома зависит от того, что двадцать или тридцать поколений работали над тем, чтобы сделать этот город обитаемым, здоровым и красивым центром промышленной и умственной жизни.

В некоторых кварталах Парижа каждый дом стоит миллион или более рублей не потому, чтобы в его стенах заключалось на миллион работы, а потому, что он находится именно в Париже, что в течение целых веков поколения рабочих, артистов, мыслителей, ученых и литераторов содействовали тому, чтобы сделать Париж тем, что он представляет теперь, т. е. промышленным, торговым, политическим, артистическим и научным центром; потому, что у этого города есть прошлое, что его улицы известны, благодаря литературе, как в провинции, так и за границей, что он - продукт труда восемнадцати веков, пятидесяти поколений всей французской нации. То же самое справедливо относительно всякой другой столицы.

Кто же имеет право в таком случае присвоить себе хотя бы малейший клочок этой земли или самую ничтожную из этих построек, не совершая тем самым вопиющей несправедливости? Кто имеет право продавать кому бы то ни было хотя бы малейшую долю этого общего наследия?

Как мы уже говорили, среди рабочих в этом отношении устанавливается мало-помалу соглашение, и идея дарового жилища обнаружилась уже во время первой осады Парижа (немцами в 1871-м году), когда население требовало, чтобы с него были прямо сложены все долги хозяевам квартир. Та же мысль проявилась и во время Коммуны 1871 года, когда рабочие ждали от Совета Коммуны решительных мер с целью упразднения квартирной платы. И когда снова вспыхнет революция, та же самая мысль будет первой заботой бедняка.

В революционное ли, в мирное ли время - рабочему всегда нужен кров, нужно жилище. Но как бы плохо и как бы нездорово это жилище ни было, всегда есть хозяин, который может его оттуда выгнать.

Правда, во время революции в распоряжении хозяина не будет судебного пристава, не будет полицейских, которые выбросят ваш скарб на улицу. Но кто знает, не захочет ли завтра новое правительство - каким бы революционным оно себя ни заявляло - вновь восстановить эту силу и вновь отдать ее в распоряжение домохозяина? Правда, Коммуна объявила уничтожение всех долгов за квартиры по 1-ое апреля, но только по 1-ое апреля¹. А затем опять -таки пришлось бы платить, несмотря на то, что в Париже все было перевернуто вверх дном, что промышленность приостановилась и у революционера не было ничего, кроме тридцати су (пятидесяти копеек) в день, выплачиваемых ему Коммуной!

А между тем нужно, чтобы рабочий знал, что если он не платит за квартиру, то не только из попущения. Нужно, чтобы он знал, что даровое жилище признано за ним как право, что оно установлено общим согласием как право, открыто провозглашенное народом.

Неужели же мы будем ожидать, чтобы эта мера, всецело отвечающая чувству справедливости всякого честного человека, была принята теми социалистами, которые войдут вместе с буржуа в новое временное правительство? Долго прождали бы мы таким образом - до самого возврата реакции!

¹ Декрет от 30-го марта; в силу этого закона прощались платежи, следовавшие с квартирантов в октябре 1870-го года, а также с 1-го января и 1-го апреля 1871-го года.